

Глава 7. Первые шаги в гареме (7)

Для Кона Цзяцзы и тринадцатого принца, Му Юаньюна, это была первая совместная ночь. За окном валил густой, тяжелый снег, а сквозь завывания вьюги доносился надрывный плач той сумасшедшей женщины.

В комнате Му Юаньюн растопил печь. Плещущие языки пламени дрожали перед глазами Кона Цзяцзы, разливая живительное тепло, согревавшее его до самой глубины души.

Мальчик робко провел пальцами по гладкому шелку одеяла, лаская тонкую, искусно вышитую ткань. Это одеяло принц перенес со своей постели и укутал его, чтобы скрыть наготу — ведь из одежды на Коне Цзяцзы осталась лишь набедренная повязка.

Му Юаньюн сразу заявил, что его лохмотья никуда не годятся, и пообещал завтра же велеть евнухам из Департамента внутренних дел принести новый наряд. Вообще-то заботиться о подобных вещах надлежало слугам, а не царственным особам.

Но принца условности мало заботили. Он заботливо подоткнул одеяло Кона Цзяцзы, и во взгляде его промелькнула такая теплая, почти материнская нежность, что у мальчика защемило в груди.

— Тоже мне, господин нашелся, — усмехнулся Му Юаньюн. — Во всем Пурпурном запретном городе никто меня за господина не считает. А ты... — Он шутливо щелкнул Кона Цзяцзы по лбу. — Кожа да кости, еще неясно, кто из нас кого опекать должен. Спи давай, ни о чем не думай. Даже если небо рухнет, тебя оно не заденет.

Сказав это со своей обычной беззаботной бесцеремонностью, принц быстро скинул халат, завернулся в собственное одеяло, точно в уютный кокон шелкопряда, и мгновенно уснул, раскинув руки и ноги.

Кон Цзяцзы бесшумно поднялся со своей кушетки и бережно поправил сбитое одеяло принца. Глядя на его безмятежное, беззащитное во сне лицо, мальчик протянул руку, желая коснуться мягкой щеки, но тут же испуганно отдернул пальцы.

«Мы слишком разные. Он — принц, я — раб», — напомнил он себе.

Закутавшись в одеяло, Кон Цзяцзы босиком подошел к печи. В его глубоких темных глазах отражался багровый жар раскаленных углей.

"Что ты имел в виду, когда назвал меня древним человеком?" — мысленно спросил он.

"А я уж думал, ты так и не спросишь, — вздохнул Наставник-эльф 311. — Я столько времени наблюдаю за тобой... Если бы я до сих пор ничего не заподозрил, меня можно было бы считать

полным дураком. Это место — вовсе не виртуальная игра, как мне казалось сначала. Мир вокруг — самый что ни на есть настоящий, и вы, здешние люди... Ах да, ты же спросил про «древних». Все просто: нас разделяют века, а то и тысячелетия. Точнее не скажу, с историей у меня в школе было неважно, иначе я бы не торчал в службе поддержки..."

Эльф запнулся, осознав, что ушел от темы, и смущенно кашлянул:

"Ладно, неважно. Переложил сладости со стола в игровой инвентарь, и тогда я разложу тебе все по полочкам".

Кон Цзяцзы перевел взгляд на деревянную коробочку на столе. Там сиротливо лежали остатки лакомства — бог весть, где принц его раздобыл. Му Юаньюн просто бросил недоеденные сладости, и прибраться за ним, конечно, было некому.

Он покосился на спящего принца и аккуратно отломил половинку пирожного.

"Это еда моего господина. Я могу дать тебе только половину. Завтра я спрошу у него разрешения, и если он позволит, то отдам тебе остальное".

"До чего же ты преданный слуга, аж тошно, — язвительно отозвался 311-й, забирая из инвентаря лакомство. Раздался тихий хруст. — Ладно, мне бы только вкус почувствовать. Мое сознание привязано к твоему разуму, так что физически я не нуждаюсь в еде и питье — мое настоящее тело лежит в питательной капсуле на другом конце галактики. Но поскольку твой мир соединился с нашей игровой системой, данные могут материализоваться у тебя, а твои вещи — оцифровываться и переноситься ко мне..."

Прервавшись на мгновение, он восхищенно причмокнул:

"Ого! Сразу видно — стряпня с императорской кухни! Пальчики оближешь. Раз уж у меня есть лазейка пробовать такие деликатесы, глупо себя обделять".

Кон Цзяцзы невольно вспомнил, как днем они с принцем возвращались во дворец и наткнулись на служанок. Те случайно рассыпали из корзины спелые мандарины и теперь суетливо собирали их с мостовой.

Му Юаньюн, не обращая внимания на их испуганный лепет и поклоны, без лишних церемоний присел рядом, сцапал два плода, один бросил Кону Цзяцзы, а второй принялся чистить прямо на ходу.

Кону Цзяцзы было жалко есть такой подарок, и он припрятал его в инвентарь — на радость прожорливому эльфу.

Заметив, что мальчик бережет гостинец, принц отломил дольку от своего мандарина и сам

сунул ему в рот. От кислоты у Му Юаньюна аж скулы свело, но он упрямо зажмурился и с напускным восторгом спросил:

— Ну как? Сладкий, правда?

Кон Цзяцзы посмотрел на него и тихонько кивнул. Он долго держал сочную дольку за щекой, прежде чем проглотить. Тот мандарин и впрямь показался ему самым сладким на свете.

Система еще долго утомляла его пустой болтовней, пока наконец не перешла к делу. 311-й принялся описывать мир будущего — далекий, непостижимый мир, который разум маленького раба просто не мог до конца вообразить.

Мальчик слушал его затаив дыхание почти до рассвета. А за окном все падал и падал безмолвный снег, вторя свирепому вою ветра.

Кон Цзяцзы то и дело прерывал рассказ эльфа. Боясь, что принц простудится, он раз за разом поднимался, чтобы поправить сползающее одеяло. Но неугомонный Му Юаньюн во сне постоянно брыкался и раскрывался снова. Кон Цзяцзы со вздохом укрывал его снова и снова, пока силы окончательно не иссякли. Измученный, он опустил голову на край кровати принца и крепко уснул.

311-й замолчал на полуслове, поняв, что собеседник больше не отзывается. Эльф разочарованно хмыкнул:

"Вот уж загадка природы. С виду холодный как ледышка, а стоило этому мальчишке поделиться паршивой долькой мандарина — и ты уже готов расшибиться ради него в лепешку. Сказать, что ты дурак... так нет же, сколько дней водил меня за нос, пока я, взрослый человек, не взмолился о пощаде перед десятилетней малявкой... Эх".

Помолчав, эльф тихо вздохнул:

"Просто тебе никогда в жизни не говорили доброго слова. Вот и весь секрет".

Иначе с чего бы тебе платить беззаветной, слепой преданностью за малейшее проявление тепла?

Утром слуга из Департамента внутренних дел принес новенькое платье евнуха. С ним явился и сам евнух Гуй Чжилань. С порога расплывшись в угодливой улыбке, он заговорил вкрадчивым голоском:

— Ваше Высочество, нижайше прошу простить за беспокойство. Тут такое дело... Этот малец, Кон Цзяцзы, совсем недавно прислан со двора и еще не прошел необходимое... очищение. Мы должны забрать его, дабы завершить процедуру...

— А Сяо Маньтоу? — перебил его Му Юаньюн. Он сидел на постели, полузакрыв глаза и всем своим видом выказывая сонное недовольство. — Разве его не так же внезапно привели?

— Ну что вы, Ваше Высочество! Сяо Маньтоу предстал перед вашим светлым взором уже подготовленным, чистым. Как бы мы посмели осквернить ваши покои неполноценным слугой... — Гуй Чжилань не успел договорить, как принц резко его оборвал.

— Ах вот оно что! Выходит, я нарушил ваши священные правила и испортил все планы? И ты явился спозаранку, чтобы призвать меня к ответу?! — Му Юаньюн мгновенно стряхнул сонную вялость. Он гневно посмотрел на евнуха. — Решили, раз я обделен отцовской милостью, об меня можно ноги вытирать?!

Гуй Чжилань прекрасно знал вздорный нрав принца. Перепугавшись не на шутку, он тут же рухнул на колени, распластавшись ниц у ног Му Юаньюна, и заверещал дрожащим голосом:

— Пощадите, Ваше Высочество! Ничтожный раб не смел даже помыслить о таком! Моя вина, кругом моя вина! Смените гнев на милость!..

Принц демонстративно зевнул. Бросив быстрый взгляд на Кона Цзяцзы, безмолвной тенью застывшего в углу, он раздраженно фыркнул:

— Раз понимаешь, что виноват, стой на коленях и не смей пищать! В моих жилах течет кровь Сына Неба. Каким бы заброшенным ни был мой дворец, я — член правящего рода! С каких это пор презренные рабы смеют судить своих господ?

Он спрыгнул с высокого кресла, где до этого сидел, забавно болтая ногами, и неспешно подошел к распластанному на полу евнуху. Остановившись над ним, Му Юаньюн надменно произнес:

— Кон Цзяцзы — мой личный слуга. И только мне решать, когда лишать его мужского достоинства.